

...Ибо тем родам человеческим, которые обречены на сто лет одиночества, не суждено появиться на земле дважды.

*Габриэль Гарсиа Маркес.
«Сто лет одиночества»*

Книга первая

АЛЕКСЕЙ И ТАТЬЯНА

Глава 1

Время мести настало! Враг поплатится за свои преступления. Но сумеет ли Алексей сделать, что задумал? Мысли, словно стая хищных птиц, роились в его голове. Только так он сможет побороть сводящее с ума одиночество...

Отдав швейцару свое старое пальтишко, Алексей поднялся по большой мраморной лестнице наверх. Приемная зала была заполнена людьми: он оказался далеко не единственным посетителем в то утро. Алексей чувствовал сильное волнение; взглянув в огромное венецианское зеркало, он увидел собственное отражение — бледный высокий молодой человек в мундире инженера, длинные темные волосы аккуратно зачесаны назад, открывая высокий лоб, большие темные глаза, в которых горит странный огонь. Алексей поправил тесный воротничок, натиравший шею, и шагнул в приемную.

И тотчас окунулся в гул голосов. Зажав двумя руками папку, Алексей попытался собраться с мыслями и изобразить полное равнодушие, но у него плохо получалось. Ведь об этом моменте он мечтал долгие годы, столько раз он виделся ему во сне, и вот наконец его давняя мечта сбылась: он — в доме у врага. И пришел он сюда, чтобы врага уничтожить.

Постепенно волнение улеглось, и Алексей осмотрелся. Приемная зала, как он того и ожидал, была обставлена богато и безвкусно — стены обиты пурпурным шелком, на высоких окнах — тяжелые портьеры, несколько картин с видами Урала и Сибири, в центре залы — большая стеклянная витрина, в которой находится макет одного из заводов, принадлежащих врагу.

Алексей подошел к витрине и внимательно осмотрел ее. Крошечные человеческие фигурки из воска, застывшие перед домами, в которых бушует огонь из папье-маше. Бронзовая табличка огромных размеров, на которой начертано так, что нельзя не увидеть: «Изображение сталелитейной домны Усть-Кремчужного металлургического завода, собственность Афанасия Игнатьевича Беспалова».

А ведь она могла бы принадлежать мне, подумал Алексей, отворачиваясь. Вернее, она и принадлежит мне, как и множество других заводов и фабрик, обладателем коих является сейчас достопочтенный Афанасий Игнатьевич. Беспалов украл их у отца Алексея! И вот наконец настало время платить по счетам. Он оказался здесь, чтобы покарать врага.

Правая рука молодого человека незаметно опустилась в глубокий карман мундира. Алексей нащупал крошечный бельгийский револьвер фирмы «Лепаж». Он ведь великое множество раз представлял себе, как оказывается один на один с врагом, приставляет к голове револьвер, и враг, упав на колени, начинает слезно просить прощения и каяться, перечисляя свои грехи и сознаваясь в одном из первых, но далеко не последнем преступлении, совершенном больше двадцати лет назад.

Алексей знал, что так легко не выйдет. Однако он должен попробовать, должен отомстить. Смерть отца и матушки, гибель брата и сестры. И во всем виноват враг. Тот самый враг, в доме которого он находился и чьего появления в приемной зале ждал с таким нетерпением. Врагу принадлежал не только этот петербургский особняк на Фонтанке, но не меньше двух дюжин доходных домов как в столице, так и в Москве, а помимо того — четыре банка, несколько страховых обществ, ряд заводов и фабрик, бумагопрядильни, судоходная компания и обширные землевладения в Центральной России, Сибири, на Украине и в Польше.

Враг звался Афанасием Игнатьевичем Беспаловым и был одним из самых богатых, уважаемых и влиятельных деловых людей Российской империи, как, впрочем, и одним из наиболее хитрых. Нувориш по праву считался «химическим королем» страны, он постоянно утверждал, что за химией будущее, и намеревался в течение ближайших двадцати лет завоевать и международный рынок — одной России для него давно стало мало.

Беспалов чем-то походил на американских миллионеров, которые добиваются всего, начиная с само-

го низа. Так было и с ним — когда-то он был обыкновенным молодым приказчиком, обладающим тем не менее поразительным чутьем. Так он и сколотил первоначальный капитал: хозяин, на которого работал Беспалов, разорился, и его лавка отошла ушлому Афанасию. В дальнейшем он часто использовал такой трюк — втирался в доверие, оболещал, обманывал, а в итоге обирал простаков как липку. А затем судьба свела его с профессором Спасовичем...

Алексей на мгновение закрыл глаза, пытаясь отогнать страшные воспоминания — он открывает дверь кабинета и находит мертвого отца, — но у него ничего не получалось. Ужасная картинка стояла перед глазами. Он твердо сжал рукоятку револьвера. Ну что же, час пробил, господин Беспалов!

Большие часы, стоявшие в углу, давно отсчитали двенадцать ударов, однако хозяин не спешил выходить в приемную залу. Беспалов любил припоздниться — видимо, считал, что в ожидании все должны проникнуться трепетом, ощутить его величие. «Как же это дешево и смешно!» — усмехнулся про себя Алексей. Его глаза неотступно следили за минутной стрелкой. Прошло десять минут, пятнадцать, но Беспалов все не появлялся. А вдруг року угодно, чтобы сегодня ничего не вышло? Тогда весь план Алексея пойдет насмарку. Многие годы, которые понадобились ему, чтобы подобраться к Беспалову и разработать план мести, окажутся потраченными впустую. И эта роковая случайность, что помогла ему обрести чужую личину...

Высокие белые с позолотой двери внезапно распахнулись, появились двое лакеев в смешной старинной форме — зеленое с серебряными позументами облачение, на головах — напудренные парики времен матушки Екатерины. Беспалов, несмотря на то, что являлся миллионером и поднялся на одну из самых высоких ступеней социальной лестницы, в душе оставался плебеем и выскочкой. Поэтому и требовалась помпа, облаченные в ливреи дворецкие, опоздание почти на двадцать минут. А также, как шептались в столице, готовился брак единственной дочери самонареченного «химического короля» с представителем одной из наиболее древних, но обедневших фамилий империи: в планы Беспалова входило породниться с титулованным дворянским родом.

Лакеи замерли по обе стороны дверей, как изваяния, вслед за ними в залу вошел церемониймейстер, одетый

не менее опереточно, чем лакеи, и, ударив по паркету огромным сверкающим жезлом (более походившим, как решил Алексей, на посох царя Берендея из оперы Римского-Корсакова «Снегурочка»), на удивление писклявым голосом оповестил собравшихся, которые, конечно же, в нетерпении пожирали взглядами странное действо:

— Афанасий Игнатьевич Беспалов!

Раньше, как знал Алексей, церемониймейстер долго и нудно перечислял «титулы» Беспалова — тот разнообразными хитростями удостоился нескольких докторских степеней *honoris causa*¹, был кавалером ряда отечественных и зарубежных орденов. Однако после того, как царь, встретившись как-то с Беспаловым, с легкой иронией попенял миллионеру на то, что тот-де устраивает свои выходы не менее помпезно, чем сам самодержец, Афанасий Игнатьевич изменил церемониал: теперь выкрикивалось только его имя — и ничего более, что делало происходящее не менее величественным и, по мнению Алексея, не менее смешным.

Но даже после того, как слуга оповестил присутствующих о том, что вот-вот появится хозяин, Беспалов не счел нужным пройти в приемную залу. Он, как временщик из канувшего в Лету пышного восемнадцатого столетия, заставлял с трепетом ждать собственную персону, цинично полагая, что те, кому он нужен, будут ждать и час, и два, пока он не соизволит возникнуть в поле зрения.

Разговоры в приемной зале стихли, кое-кто даже наклонил голову в оттренированном поклоне, на многих лицах возникли угодливые, сервильные улыбки. Алексею сделалось до тошноты противно, — тем, кто добивается милостей от Беспалова, остается при его появлении только склониться в поклоне или, лучше всего, пасть ниц, приветствуя его, как какого-нибудь восточного сатрапа или египетского фараона.

Но ведь и ему самому, чтобы привести в исполнение план, потребуется унижаться перед Беспаловым. Готов ли он к расшаркиванию перед человеком, который виноват в трагедии, случившейся с его семьей, с человеком, обокравшим отца и заставившим профессора Спасовича покончить с собой?

Алексей замер у витрины, чувствуя, что никакая сила не заставит его склонить голову перед Беспаловым. Нако-

¹ От лат. «ради почета», то есть без представления диссертации.

нец появился тот, кого он больше всего ненавидел и кто являлся для молодого человека врагом, — Афанасий Игнатьевич Беспалов собственной персоной.

Алексей много раз видел его изображения — то в газетах, то в синематографе, во всех магазинах или банках, принадлежащих Беспалову, на видном месте, подле изображения государя императора, висел портрет хозяина. И вот он оказался лицом к лицу с врагом!

Беспалову было под пятьдесят, однако выглядел он старше, видимо, из-за густой седеющей бороды. Высокого росту, практически лыс, орлиный нос и глубоко посаженные голубые глаза придавали лицу хищное выражение. Одет миллионер был безукоризненно, по последней парижской моде — в светло-серый приталенный пиджак, который не мог скрыть мощную фигуру Беспалова, начинавшего когда-то в Сибири с того, что сплавлял плоты по бурным рекам. На одном из пальцев правой руки сверкал бриллиант с огромным рубином, на другой — с гигантским бриллиантом. «Надо же, какая безвкусица», — подумал Алексей, понимая, однако, что украшения стоят не меньше, чем петербургский особняк, в котором он сейчас находится.

Враг получал явное удовольствие от собственного триумфа — голубые глаза смотрели дерзко и нахально, а на лице, словно высеченном из камня, были написаны превосходство, пресыщенность и скука. Алексей только крепче сжал рукоятку револьвера.

Беспалова тотчас окружили посетители, пытаясь донести до него суть своих просьб. Алексея от Беспалова отделяла колышущаяся человеческая волна, преодолеть которую он даже при желании был бы не в состоянии.

В этот момент в приемную залу вошел невзрачный тип — с сутулой спиной, рыжеватой козлиной бородкой, в затертом мундире. Окинув его взглядом, Алексей тотчас забыл о нем, однако внезапно услышал громкий дрожащий голос:

— Расступитесь, сволочи!

Необычное в подобной ситуации обращение «сволочи» вызвало легкое недоумение среди собравшихся. Оказалось, что слова были произнесены тем самым субъектом с рыжеватой бородкой, что явился на прием к Беспалову последним.

Хозяин, мгновенно оценив ситуацию и поняв, что перед ним находится возмутитель спокойствия, кивнул лакеям, и те, как церберы, устремились на посетителя с явным

намерением скрутить его и спустить с лестницы. Однако еще до того, как лакеи настигли его, тип вытащил из кармана правую руку, и в ней оказался револьвер, как две капли воды похожий на тот, что был у Алексея.

— Стоять! — заявил он и, воздев оружие к потолку, выстрелил.

Последовал оглушительный треск, и все в приемной зале замерли, как будто были то не люди, а каменные изваяния. Довольный произведенным эффектом, бородастый тип оттолкнул в сторону одного из посетителей и заявил:

— Кто хочет жить — в сторону! Мне нужен капиталист-кровапийца Беспалов.

Посетители, только что окружавшие Афанасия Игнатьевича, как дрессированные собачки окружают в цирке укротителя, немедленно расступились, заворуженно наблюдая за происходящим. Тип приблизился к Беспалову, более походившему сейчас на собственный скульптурный портрет, и развязно произнес:

— Ну, эксплуататор рабочего класса, пришел конец твоему владычеству!

Он направил на Беспалова револьвер, и по залу пронесся стон.

— Что, страшно, гнида? — продолжал субъект, который, как понимал наблюдавший за происходящим Алексей, являлся террористом-революционером.

К угрозе со стороны левых подпольных организаций давно привыкли и с ней даже отчасти смирились, невзирая на то, что жертвами подобных безумцев в разное время стали император Александр II, его сын, московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, министр внутренних дел Плеве, а чуть более двух месяцев назад премьер империи Столыпин.

Алексею была отлично видна спина субъекта, грозившего револьвером Беспалову. Надо же, ведь он сам мечтал об этом — оказаться с оружием один на один с врагом. Однако его фантазии не сбылись — Беспалов вовсе и не думал плакаться или каяться, вымаливать собственную жизнь или трусливо убежать: миллионер стоял как столб, вперив в террориста тяжелый взгляд голубых глаз из-под густых бровей.

— Господа... — начал революционер и поправился: — Я хотел сказать — товарищи! Перед вами находится типичный представитель класса эксплуататоров, угнетатель рабочего класса, воротила, наживающийся на чужих стра-

даниях и строящий свое миллионное благосостояние на крови наших с вами братьев и сестер...

— Заткнись, сопляк, — раздался бас Беспалова, и террорист, ошарашенный незапланированной реакцией жертвы, даже покачнулся. Миллионер, лоб которого пересекла поперечная морщина, продолжил негромко, но его голос разносился по всей приемной зале, ибо в ней царила гнетущая тишина: — А ты, как я вижу, представитель касты неудачников, лентяев и умственных импотентов. Вместо того чтобы вырваться из болота, в котором ты оказался, предпочитаешь валить собственные грехи на других, считаешь, что, уничтожив парочку богатеев, сотворишь для народа добро? Да народ чихать хотел на таких лодырей и идиотов, как ты!

— Что вы... что ты себе позволяешь? — в смятении произнес революционер. — Вы... ты должен молчать, когда я произношу речь! Я тренировался долго...

Беспалов, закинув голову назад, расхохотался, и от этого холодного смеха по спине у Алексея пробежали мурашки.

— Ты, вошь, даже убить меня, капиталиста и вурдалака, сосущего соки из рабочего класса, не можешь, — сказал он жестко. — Так что давай, охламон, стреляй в меня. Ну, слышишь, стреляй. Живо, стреляй!

Беспалов, ухмыляясь, смотрел в глаза революционеру. Тот, первым не выдержав, отвел взгляд. Рука, в которой был зажат револьвер, дрогнула. Вот и все, подумал Алексей. Со мной было бы то же самое — я бы не смог спустить «собачку». И не потому, что убить человека так сложно, а оттого, что Беспалов демонстрирует моральное превосходство и ни капельки не боится. Да, план Алексея пошел прахом...

— Ну что, козлобородый, кишка тонка? — спросил с усмешкой капиталист. Затем он протянул руку к революционеру и потребовал: — Отдай мне револьвер и катись на все четыре стороны. Я даже в полицию на тебя заявлять не буду. Иди к своим единомышленникам-придуркам и сообщки, что Беспалов никого не боится — ни бога, ни черта, ни таких бастардов, как ты, уж точно! Эх, даже застрелить врага рабочего класса не в состоянии!

Революционер, весь запал которого уже прошел, был готов вручить Афанасию Игнатьевичу револьвер, как вдруг раздался властный женский голос:

— Степан, не смей делать этого!

Алексей обернулся и увидел девушку вряд ли старше

двадцати, ослепительно красивую, стоявшую на пороге приемной залы. Завидев ее, рыжебородый революционер расплакался и простонал:

— Верочка, я не могу! Я просто не могу...

— Зато я смогу, — твердо ответила та и уверенным шагом подошла к своему трясущемуся единомышленнику.

В руках она держала большой черный портфель. Расстегнув его, девица вынула из него странное приспособление, взглянув на которое Алексей тотчас понял (все-таки его профессия — инженер): адская машина, причем колоссальной силы!

Беспалов переменялся в лице, Алексей уловил на нем замешательство и даже легкую тень страха. Еще бы, ведь юная бомбистка, в отличие от козлотородого, была явно готова идти до конца. А взрыв в особняке лишит жизни если не всех присутствующих, то очень-очень многих.

— Прошу вас, послушайте... — начал Беспалов уже заискивающим тоном, но девица, сноровисто соединив проводки в адской машине, оборвала миллионера:

— Придется приводить в исполнение план «Б». Я давно мечтала о том, чтобы избавить землю от такого гада, как вы, господин Беспалов.

— Но погибнут другие, ни в чем не повинные люди... — заявил соратник девицы, на что та холодно ответила:

— Это будут первые жертвы новой революции. Итак, Афанасий Беспалов, революционный трибунал приговаривает вас к смерти за нещадную эксплуатацию рабочего класса и беззастенчивое стяжательство. Приговор надлежит привести в исполнение немедленно.

Девица прижала бомбу к груди, и в тот момент, когда она была готова взорвать ее, Алексей, повинувшись более инстинкту, чем разуму, вытащил из кармана револьвер и выстрелил в революционерку. Та, вскрикнув, осела на пол. Беспалов, рыча, бросился на девушку — Алексей заметил, что «химический король» схватил ее за горло и пытается душить.

Среди посетителей возникла паника, гости устремились к выходу, отпихивая друг друга, крича, галдя и ругаясь. На подмогу Беспалову подоспели лакеи, скрутившие истекавшую кровью девушку (пуля попала ей в плечо).

Рыжебородый революционер, на которого уже никто не обращал внимания, на карачках подполз к адской машине, лежавшей на паркете, схватил ее и, выпрямившись, дико заорал:

— Теперь я не боюсь умереть! Имя мое войдет в исто-

рию, я стану вторым Каракозовым или третьим Гракхом! Сдохни, капиталист поганый!

И вслед за тем он запел по-французски «Марсельезу». Тонкий палец бомбиста опустился на кнопку, он, выкрикивая слова революционной песни, нажал ее и... Ничего не последовало. Беспалов, замерший около недвижимо лежащей девушки, крикнул слугам:

— Скрутите болвана! Их бомба ни черта не работает. Да уж, с такими криволапыми только мировую революцию делать — даже адскую машину нормальную собрать не в состоянии, дилетанты:

Но в тот момент, когда к рыжебородому метнулся один из лакеев, из адской машины повалил серый дым. Внутри ее пронзительно зажужжало, и Алексей понял: бомба сейчас сработает. Лакей застыл в ужасе, а затем шмякнулся на пол, сорвав парик и закрыв им лицо.

Алексей же метнулся к революционеру, продолжавшему распевать «Марсельезу», со всей силы толкнул его. Рыжебородый пошатнулся, Алексей толкнул его еще раз, намного сильнее, чем в первый. Машина оглушительно трещала, из нее сыпались искры, и серый дым сменил цвет на черный. Алексей прыгнул на революционера, увлекая его к большому окну, — затрещали рамы, послышался звон разбитого стекла, вопль рыжебородого, летевшего вниз... Алексея от падения в последний момент удержало то, что он запутался в тяжелых портьерах. В лицо ему ударил холодный ветер, грудь напоролась на стекло — и раздался оглушительный взрыв, который ослепил молодого человека и накрыл его, словно саваном...

Глава 2

Профессор неорганической химии Петровской академии Павел Алексеевич Спасович познакомился с Беспаловым в июле 1891 года. Беспалов, в то время начинающий коммерсант, сам навестил его в небольшом особняке в Трехпрудном переулке, где профессор снимал верхний этаж.

Беспалов сразу же понравился профессору Спасовичу — моложавый, но такой солидный, уверенный в себе выходец из народа, самоучка — если уж не новый Ломоносов, так во всяком случае — новый Вандербильт. Целью визита коммерсанта Беспалова (к тому времени обобравшего хозяина писчебумажной лавки, где он начинал при-

казчиком) были исследования профессора, о которых писали в газетах. В «Московских ведомостях» сообщалось, что Павел Алексеевич сделал доклад на заседании Академии наук, где поведал о совершенно новых перспективах в химической индустрии. Правда, доклад был принят мастиными коллегами более чем прохладно — профессора Спасовича считали фантазером и таким московским Жюль Верном, который смешивает реальность с выдумкой и выдает желаемое за действительное. Поэтому и тон статьи был снисходительно-поучительный, и делался вывод, что предложенные профессором новации в химической сфере никогда не будут осуществлены, ибо утопичны, чрезвычайно дорогостоящи и, собственно, совершенно излишни для человечества в целом и для Российской империи в частности.

Павел Алексеевич, который вначале упорно не желал принимать Беспалова, почему-то считая его репортером, намеревавшимся опубликовать еще один злобный пасквиль, наконец согласился увидеть просителя, заявив, что в состоянии уделить ему не более четверти часа.

Когда три с половиной часа спустя, уже поздним вечером, гость покинул кабинет профессора, Павел Алексеевич, проводив гостя до калитки, где долго тряс ему руку, вернулся в апартаменты и сообщил супруге, Лидии Гавриловне, как раз укладывавшей спать пятилетнего сына Алешу:

— Лидочка, душа моя! Этот бесподобный человек, Афанасий Игнатьевич Беспалов, послан нам небом. Хотя, как ты знаешь, я в Бога не верю, почитая его выдумкой человеческого мозга, который не в состоянии адекватно оценить и объяснить все процессы окружающего нас мира.

Лидия Гавриловна, знавшая за супругом отвратительную привычку изъясняться витиевато и путано, приготовила цветочный чай, испив которого профессор наконец выложил детали беседы с Беспаловым. Оказывается, тот был пленен гением профессора Спасовича, уверял, что полностью согласен с выводами его доклада, и, самое важное, обещал финансово обеспечить работу в лаборатории, дабы Павел Алексеевич имел возможность доказать свою теорию.

Беспалов не обманул: работа началась ровно через неделю после сей знаменательной встречи. Он выкупил у хозяйки, генеральской вдовы, особняк, где обитал профессор Спасович, и оплатил переделку первого этажа, подвала и сарая под лабораторию. Профессор души не чаял в своем «милом меценате», как он теперь именовал

Беспалова. Тот же уверил профессора, что ему не о чем беспокоиться, а задача ученого состоит в том, чтобы усердно работать над практическим воплощением теоретических выкладок.

Так прошло полтора года — к тому времени в семье Спасовичей появилось пополнение: Лидия Гавриловна родила в ноябре 1892 года очаровательных двойняшек, Гаврюшу и Олечку, названных в честь деда с отцовской и бабки с материнской стороны, появления на свет внуков так, увы, и не дождавшихся.

Подрастающий первенец Алексей был живо увлечен работой отца, по многу часов пропадал вместе с ним в лаборатории, и профессор был уверен — старший отпрыск пойдет по его стопам!

В конце весны 1893 года исследования увенчались успехом. Правда, не тем, о котором мечтал Спасович: одним из побочных и вообще-то не запланированных им открытий была взрывчатка, по мощности превосходившая все тогда существовавшие. Профессор был разочарован — он ведь бился над созданием нового синтетического красителя, — поэтому отнесся к своему открытию без энтузиазма и даже поведал о нем Беспалову только месяц спустя после первого удачного эксперимента.

Афанасий Игнатьевич в порыве радости даже расцеловал профессора и тотчас потребовал продолжить работу над взрывчаткой.

— Но, мой друг, эти милитаристские штучки меня совершенно не занимают, — заявил ученый. — Краситель намного важнее и...

— В сторону краситель, профессор! — отрезал Беспалов. — Не забывайте, что вы работаете на меня и ваши эксперименты оплачиваются из моего кармана!

Беспалов тотчас почувял возможность неслыханно обогатиться — шведский коммерсант-изобретатель Нобель, много лет проведший в России, был для него путеводной звездой. Взрывчатка, причем новая, чрезвычайно мощная, поможет заработать миллионы! И это будет только начало — Афанасий Игнатьевич в том нисколько не сомневался.

Еще через три года (взрывчатка к тому времени уже весьма успешно продавалась по всему миру) профессор наконец презентовал Беспалову долгожданный краситель, а помимо того, еще несколько чрезвычайно интересных проектов. К тому времени Беспалов обзавелся собственным особняком в Первопрестольной, по размерам лишь

немногим уступавшим Кремлю. А профессор Спасович продолжал жить все в том же доме, что и во время первой встречи с Беспаловым.

Павел Алексеевич всегда чурался разговоров о деньгах, считая это проявлением дурного воспитания. Но двое его младших детей, Гаврюша и Олечка, были болящими, им требовалось пребывание на курортах Франции и Италии, а также в высокогорных клиниках Давоса. На лечение требовались большие деньги, вот почему профессор и завел в конце концов с Беспаловым разговор о своей части гонорара с прибылей, получаемых за продажу взрывчатки.

Беспалов выслушал профессора, не перебивая, и сказал:

— Я обеспечу вашим детям лечение за границей, профессор, можете не сомневаться.

Конфузясь, Спасович тем не менее продолжил:

— Милый друг Афанасий Игнатьевич, если я правильно понимаю, со взрывчатки, разработанной мной, вы имеете большую прибыль. Даже очень большую. О вас говорят, что вы — миллионер... И мне хотелось бы знать, имею ли я право на какую-либо часть доходов от ее продажи. Нет, вы не подумайте, я не о себе пекусь, не о своем комфорте, а о детях!

Беспалов выложил перед профессором бумаги и, ткнув в них, заявил:

— Профессор, вот тут ведь ваша подпись?

— Да, да, припоминаю, я что-то подписывал, — кивнул Спасович, пытаясь проникнуть в казуистические формулировки.

— Согласно одному договору было образовано акционерное общество, в котором держателем ста процентов акций являюсь я, — сказал Беспалов. — И вы дали на это согласие. Разве забыли? Если даже и запамятовали, то у меня имеется еще один документ. Вот он!

Павел Алексеевич, чувствуя себя крайне неловко, прямо-таки разбойником с большой дороги, все же заметил:

— Но, милый друг, вы ведь сами предложили мне передать вам все права, потому как не желали отягощать меня ведением бухгалтерии...

— Решение приняли вы самостоятельно, профессор, — парировал Беспалов. — И вот еще один контракт. В соответствии с ним все изобретения, совершаемые вами, являются собственностью упомянутого акционерного общества...

— Владельцем которого являетесь снова вы, милый

друг! — удрученно произнес профессор. — Но как же так получается: я, изобретатель, остаюсь с носом, а вся прибыль идет вам? О, не подумайте, что я алчен, однако меня, надо признаться, фразировала подобная ваша... — Спасович запнулся, подыскивая эвфемизм к слову «беззастенчивость».

— Профессор, давайте закончим бессмысленный разговор, — хлопнул рукой по столу, по стопке некогда подписанных ученым бумаг Беспалов. — Итак, по договору вы работаете на меня, и все изобретения, совершаемые вами вплоть до вашей смерти, принадлежат мне. Я обеспечиваю вас финансово, как указано в договоре, «надлежащим образом», вы поставляете мне идеи. Прибыль за сбыт идей на рынке идет мне. Желаю всего наилучшего!

Беспалов откланялся, и профессор Спасович понял, что попался в ловушку: «милый друг» и «русский меценат» оказался подлым стяжателем, заботящимся исключительно об одном — о своих собственных барышах. Однако «глава акционерного общества» отправил-таки Лидию Гавриловну и двух младшеньких детишек ученого за границу на лечение, а взамен потребовал от профессора в течение двух месяцев завершить разработку нового способа легирования стали.

Из Швейцарии Лидия Гавриловна вернулась окрыленная: на курорте она познакомилась с родной сестрой французского банкира, которая свела госпожу Спасович со своим братом, сразу же выразившим желание взять под опеку профессора.

— Подумать только, он предлагает нам переехать в Париж! — заявила Лидия Гавриловна. — У тебя будет своя лаборатория, обставленная по последнему слову техники, а не этот курятник, который оплатил Беспалов. Патенты будут идти на твое имя, и ты будешь получать твердый процент за сбыт своих изобретений по всему миру строго в соответствии с количеством проданных образцов! А значит, Паша, ты наконец получишь то, что тебе и так причитается! Нужно только одно — уйти от Беспалова!

О том, что он не намерен более работать на «милого мецената», профессор сообщил Афанасию Игнатьевичу спустя три недели. Реакция Беспалова была более чем странная:

— Профессор, вы никуда не можете уйти, потому что согласно договору я-то могу вас уволить, а вы покинуть меня — нет.

— Но это же рабство какое-то, как в Древнем Егип-

те! — возмутился Спасович. — А ведь мы живем в конце девятнадцатого века.

— Можете подать на меня в суд, — оскалил желтоватые крепкие зубы Беспалов, — но, во-первых, процесс будет длиться много лет, а во-вторых, даю вам гарантию: решение все равно будет принято в мою пользу.

— Вы... Вы гнусный, мерзкий субъект... — произнес, отшатываясь, Павел Алексеевич.

— И ваш хозяин, профессор, — ухмыльнулся Беспалов. — Так что забудьте о Париже и принимайтесь за работу! Мне нужны результаты. Вы ведь хотите, чтобы ваши детишки ездили за границу на лечение? Так-то. Работайте!

Павел Алексеевич был из разряда таких людей, которые могут долгое время терпеть оскорбления, но в определенный момент, когда чаша их терпения переполняется, становятся неуправляемыми. Так и произошло с ним после знаменательного разговора с Беспаловым — профессор в тот же день телеграфировал в Париж, что принимает предложение господина банкира. А следующим утром отослал Беспалову чрезвычайно сухое, написанное официальным слогом письмо, извещавшее, что он более не намерен работать с ним.

Затем профессор и его семья стали готовиться к отъезду во Францию: Лидия Гавриловна предвкушала жизнь в Париже, а Павел Алексеевич не сомневался, что одержал викторию над беспардонным Беспаловым.

Глава 3

Однако он ошибся — через день в особняк к Спасовичу заявила делегация из нескольких адвокатов, сопровождаемых полицейскими. Павлу Алексеевичу предъявили постановление суда, согласно которому все его имущество переходило в собственность Афанасия Игнатьевича Беспалова — оказывается, тот тайком скупил долговые расписки профессора и являлся хозяином положения.

Профессор был ошарашен. Более того — напуган. Адвокаты объяснили ему, что если он вместе с семьей покинет пределы Российской империи, то его будут преследовать в судебном порядке как злостного неплательщика и беглого должника. Единственный для него выход из сложившейся ситуации — по-прежнему батрачить на Беспалова. Адвокаты пригрозили грандиозным скандалом и

шумным судебным процессом, если Павел Алексеевич все же надумает покинуть Россию.

Поездка во Францию была отменена — семья профессора Спасовича осталась в Москве. Потянулись унылые, серые, однообразные дни, полные тягот и лишений: профессор поднимался ни свет ни заря и отправлялся в лабораторию, чтобы трудиться над новыми формулами и химическими опытами. Он оповестил французского банкира о том, что по семейным обстоятельствам не может принять его предложение, а в действительности Павел Алексеевич просто не мог допустить, чтобы его жена и дети оказались замешаны в судебное разбирательство и возможный скандал.

Подобная тяжелая ситуация плохо отразилась на здоровье не только самого профессора, но и его младших отпрысков. Гаврюше и Олечке требовалось солнце и теплый климат, и Павел Алексеевич, перешагнув через свою гордость, униженно просил Беспалова оплатить поездку жены и детишек за границу. Но на этот раз Афанасий Игнатьевич ответил грубым отказом:

— Профессор, вы намеревались предать меня и теперь хотите, чтобы я относился к вам как к другу? Не бывать такому! Вы, между прочим, выбились из графика. Вот заканчивайте побыстрее ваши исследования искусственного каучука, и тогда, может быть, ваши отпрыски поедут в Италию.

Беспалов практически шантажировал профессора, понимая, что ради благополучия детей тот пойдет на что угодно. Но так было угодно судьбе, что опыты в лаборатории закончились трагедией — в результате невнимательности одного из помощников профессора не были соблюдены меры безопасности и произошел взрыв, в результате которого пострадал только один человек — сам Павел Алексеевич. Он был ранен в голову и потерял возможность видеть. Причем врачи только разводили руками: ему повезло, что он вообще остался в живых. Вернуть ученому зрение доктора были решительно не в состоянии.

Для Беспалова произошедшее являлось подлинной катастрофой: он потерял своего лучшего ученого (к тому времени на миллионера работал уже целый штат химиков), а исследования завершены не были. Капиталиста нимало не заботило то, что профессор искалечен, а его семья находится в бедственном положении. Посетив Спасовича в больнице, Беспалов застал профессора в подавленном состоянии духа.

— Не ради себя прошу, — тихо заговорил ученый, лежа с повязкой на глазах, — но ради своих детей. Им требуется пребывание на курорте. Я знаю, Афанасий Игнатьевич, вы можете подарить им поездку:

— Профессор, на ваше лечение и так было пущено много денег, — отрезал Беспалов. — Вы на полном серьезе ожидаете, что я буду заботиться о ваших отпрысках? Мне нужно, чтобы вы завершили исследования!

— Но вы же понимаете, сейчас я не в состоянии... — начал Спасович.

— В произошедшем вы сами виноваты, — перебил его Беспалов, — и не думайте, что я буду вас жалеть. Вы потеряли глаза, а не мозг, поэтому можете отдавать распоряжения, которые будут выполнять ассистенты. Думаю, завтра вы можете продолжить работу!

— Но как же лечение для Гаврюши и Олечки? — начал профессор, но в ответ услышал лишь стук закрывшейся двери. Беспалов уже покинул палату.

Потеря зрения была не единственной бедой, обрушившейся на Павла Алексеевича, — его терзали ужасные головные боли, облегчить которые могли только большие дозы морфина. Профессор никак не мог сконцентрироваться, он потерял прежнюю остроту ума и часами лежал на кровати, думая только об одном — когда же боль отступит. Вряд ли в таком состоянии он мог руководить проведением экспериментов и давать устные указания.

Профессора выписали из больницы, и он вернулся домой, где о нем самоотверженно заботились супруга и старший сын. Однако несчастный случай изменил характер Спасовича — Павел Алексеевич сделался раздражительным, нетерпимым, жестоким. Он требовал от жены, чтобы она постоянно увеличивала дозу морфия, поэтому неудивительно, что всего за несколько недель профессор превратился в наркомана.

Узнав об этом, Беспалов снова навестил Спасовича. Миллионер поразился изменениям, произошедшим с Павлом Алексеевичем: тот исхудал, волосы поседели, он перестал следить за собой. Беспалов коротко бросил ему:

— Профессор, вы больше мне не нужны. Я нашел себе нескольких весьма многообещающих молодых ученых, которые продолжат ваши исследования.

— Но что же будет с моей семьей? — спросил Спасович.

Беспалов брезгливо глянул на ученого:

— Меня это более не интересует. Завтра к оплате бу-

дут предъявлены ваши векселя, а дальше делайте что хотите!

Он сдержал свое слово: на следующий день судебный пристав известил профессора Спасовича, что ему дается два дня, дабы погасить долги в размере двадцати тысяч рублей. Профессор заперся в кабинете и не желал никого видеть. Он знал, что у него остался только один путь, чтобы спасти семью от нищеты.

Поздно вечером, после бесплодных уговоров мужа открыть дверь, Лидия Гавриловна услышала выстрел. Она бросилась к двери кабинета, принялась стучать, но муж не откликнулся. Рядом с ней был старший сын Алексей — подросток, которому тогда было десять лет, — он понимал, что произошла трагедия. Он выбежал из дома, обогнул его и бросился к окнам кабинета, который, к счастью, располагался на первом этаже. Мальчик схватил камень и швырнул его в окно. Стекло жалобно зазвенело. Алексей вскарабкался на подоконник и, раздвинув шторы, закрывавшие окно изнутри, проник в кабинет.

Горел ночник — профессор сидел на стуле, зажав в руке пистолет и уронив голову на грудь. Казалось, он спал, однако Павел Алексеевич был мертв — он покончил с собой. Словно замороженный, мальчик приблизился к отцу — и увидел кровь, накапавшую на пол из округлой темной раны на виске.

Алексей отомкнул дверь кабинета, впуская мать. Лидия Гавриловна, уже чувствовавшая неладное, потеряла сознание, увидев покончившего с собой мужа. На столе обнаружилось многостраничное письмо, в котором профессор обращался к жене и детям, умоляя простить его: уходя из жизни таким образом, он хотел обеспечить их будущее, ибо много лет назад застраховался на пятьдесят тысяч рублей золотом. Сумма должна быть выплачена в случае кончины профессора его семье.

То ли суицид мужа оказал на Лидию Гавриловну ужасное воздействие, то ли дало знать о себе напряжение последних месяцев, но с того дня у нее регулярно стали повторяться долгие обмороки. Быстро развивалась потеря ориентации в пространстве и времени, начались провалы в памяти: несчастная мать часто не узнавала собственных детей и несла чушь, беседуя с доктором или знакомыми.

Профессор, как выяснилось чуть позже, совершил роковую ошибку — в страховом полисе имелся пункт, о котором он, видимо, забыл: деньги не выплачиваются в случае самоубийства. А так как отрицать факт, что Павел Алек-

сеевич покончил с собой, было невозможно, то страховое общество наотрез отказалось выплачивать деньги.

Более того, страховое общество принадлежало Беспалову, и Афанасий Игнатьевич навестил вдову своего некогда лучшего друга. Алексей стал свидетелем разговора матери с миллионером — мальчик притаился на лестнице, внимая каждому слову. Беспалов вел себя нахально, если не сказать цинично. Он заявил вдове в лицо, что профессор оказался слабаком и трусом, раз предпочел покончить с собой.

— Только неудачники и неумехи выбирают такой легкий путь, — заявил он, — и уж поверьте мне, настоящий мужчина всегда найдет выход из ситуации, какой бы запутанной и безвыходной она ни казалась. Но ваш супруг, сударыня, проявил свою глупость в полной мере!

Мальчик, глотая слезы, вцепился руками в деревянные балясины, Алексея так и подмывало ринуться вниз и броситься на Беспалова. Однако что мог поделывать он, худой и щуплый подросток, со взрослым мужчиной, обладающим к тому же недюжинной физической силой?

— Афанасий Игнатьевич, если вы пришли сюда, чтобы терзать меня, то прошу вас удалиться, — срывающимся голосом ответствовала вдова. — Вы прекрасно знаете, что мой муж покончил с собой, дабы... Дабы спасти нас от нищеты!

Беспалов громко расхохотался:

— В действительности же он бросил вас на произвол судьбы, потому что не смог справиться с ситуацией. Клянусь вам, мне такое не грозит — я никогда не потеряю контроль над собой до такой степени, чтобы решиться на столь идиотский поступок, как самоубийство. К тому же вашему супругу стоило получше читать страховой договор. Ах да, пардон, я запамятовал; профессор ведь лишился зрения!

И снова по комнате разнесся хохот миллионера.

— Что будет с нами? — спросила Лидия Гавриловна. — Вы ведь сжалитесь надо мной и моими детьми? Двадцать тысяч, которые был должен вам Павел, для такого человека, как вы, сущий пустяк...

— О, вы хотите, чтобы я простил вам долг? Ни за что! — нагло бросил Беспалов. — Вы будете его выплачивать до последней копейки, сударыня. Кстати, хотите, раскрою вам секрет? Вообще-то ваш муж был прав, пустив себе в голову пулю, — ранее полис предусматривал выплату даже в случае самоубийства. Однако страховое общество,

как вы знаете, с недавних пор принадлежит мне, поэтому по моему приказанию были осуществлены кое-какие нововведения...

— Вы сами сознаетесь, что обманули нас! — вскрикнула Лидия Гавриловна. — Я немедленно сообщу об этом нашему адвокату!

— У вас имеется адвокат, сударыня? — заявил Беспалов. — Вот уж не знал, право. Ничего вы никому не сообщите! А даже если и сделаете сие, то учтите: вас будут судить за клевету и диффамацию. Вы никогда ничего не докажете. Но я явился сюда вовсе не для того, чтобы вести с вами разговор о вашем муже-неудачнике. Мне отлично известно, что у него остался архив, который вы куда-то припрятали, сударыня. Подозреваю, вы намереваетесь продать его подороже заинтересованным лицам из-за границы.

— Мне ничего не известно, — пролепетала Лидия Гавриловна.

Алексей знал, что маменька обманывает: он сам был свидетелем того, как она днем раньше складывала в коробки бумаги в кабинете отца, а затем отнесла их на чердак.

— Ну вот что, не изображайте из себя дурочку, — заявил Беспалов. И вслед за тем раздались странные звуки.

Алексей услышал их и бросился вниз по лестнице. Влетев в комнату, он увидел гостя, нависшего над Лидией Гавриловной. Миллионер сжимал огромной пятерней ее горло, приговаривая:

— Ну, а теперь память у вас прояснилась, мадам?

Лицо матушки посинело, изо рта вырывались хрипы, но женщина ничего не могла противопоставить силе Беспалова. Алеша бросился на мужчину и ударил его кулачком по спине. Тот обернулся и, заметив мальчика, закатил ему такую затрещину, что ребенок повалился на пол.

— Мой сын... — простонала Лидия Гавриловна, пытаясь подняться из кресла.

Беспалов толкнул ее обратно и прошипел:

— Если хотите, чтобы с вами и вашим сыном все было в порядке, отдайте бумаги. Иначе пеняйте на себя!

Вдова профессора поняла: угрозы Беспалова более чем реальны. Поэтому она призналась, что спрятала архив на чердаке. Беспалов, побывав там, подхватил большую коробку, как пушинку, и на прощание сказал:

— На вашем месте я бы не стал распространяться о том, что здесь произошло, сударыня, потому что доказа-

тельств у вас все равно нет. Так и быть, я прощаю долги вашего покойного мужа, но особняк принадлежит мне, и вы живете здесь по моей милости. У вас имеется три дня, чтобы собрать манатки и уехать прочь. И не забывайте, у вас ведь имеются дети!

Последняя фраза являла собой ничем не прикрытую угрозу — Беспалов намекал Лидии Гавриловне, что ей и ее отпрыскам не поздоровится, если она будет судиться с ним или обратится к прессе.

Синяк, который образовался на лице Алексея от удара Беспалова, сходил в течение последующих трех недель. Тогда-то мальчик и поклялся, что Беспалов понесет заслуженное наказание, но Лидия Гавриловна сочла слова сына детской блажью.

— Не смей и думать об этом! — воскликнула она. — Беспалов владеет половиной Москвы, пройдет еще несколько лет, и ему будет принадлежать половина России.

Глава 4

Семейство покойного профессора покинуло особняк и перебралось к двоюродной сестре Лидии Гавриловны. Та и ее муж отнюдь не были рады тому, что им пришлось приютить бедных родственников.

Несчастья сломили Лидию Гавриловну. Но хуже всего то, что несчастная мать вынуждена была наблюдать за тем, как Олечка и Гаврюша слабеют с каждым днем. Так продолжалось около года, пока их не отправили в больницу, причем доктора уверяли: надежды на исцеление практически нет. Детям требовалось дорогостоящее лечение, солнце и фрукты, что Лидии Гавриловне было не по средствам. К тому времени кузина уже выставила ее за дверь, и вдова профессора со старшим сыном поселились в крошечной каморке в Раменском.

Приговор медиков стал для Лидии Гавриловны еще более страшным ударом, чем смерть мужа. Женщина теперь большую часть дня пребывала в забытии, и домашние заботы лежали на сыне. Алексей, как мог, поддерживал матушку, а через пару недель, когда младшие брат и сестра умерли, он боялся сообщить ей печальное известие: вдруг Лидия Гавриловна впадет в истерику...

Ее реакция оказалась совершенно неожиданной: узнав о кончине близняшек, Лидия Гавриловна только и сказала:

— Дети? Какие дети? У меня нет детей, я ведь не замужем!

Во время отпевания и похорон, состоявшихся в промозглый ноябрьский день, когда из свинцовых туч, занавесивших небо, лил нескончаемый дождь, матушка вела себя более чем странно — она постоянно дергала Алексея, стоявшего около нее, и спрашивала:

— Сударь, скажите, кого здесь хоронят?

Подросток понял: его матушка окончательно тронулась рассудком. И хотя у нее бывали моменты просветления, они, однако, быстро проходили, снова уступая место затмению разума. Лидия Гавриловна, как сказал один из врачей, осмотревших ее, не сумела справиться с чередой горестей, выпавших на ее долю, и предпочла удалиться в мир фантазий, в которых она была молодой, незамужней девицей.

Алексею было очень жаль матушку, тем более что после смерти брата и сестры она являлась единственным оставшимся у него родным человеком. Жили они за счет того, что продавали некоторые ценные вещи Лидии Гавриловны, но и их было не так уж много. Мальчик пытался ухаживать за матерью, что с каждым днем становилось все сложнее и сложнее. Она постоянно уходила из каморки, оставляя дверь раскрытой, и как-то, вернувшись домой, Алексей увидел, что их квартиру обчистили, взяв последнее.

Над Лидией Гавриловной издевались соседские дети, для них она была сумасшедшей ведьмой, дразнить которую или швырять в нее камни и грязь было доблестным делом. Алексей не раз вступался за матушку, бросаясь на подростков, которые были старше его года на три, а то и на все пять лет, и каждый раз получал жестокую взбучку.

Как-то Лидию Гавриловну задержали с поличным — она, ворвавшись в лавку, схватила коробок серных спичек, сбежала, не расплатившись, а затем попыталась поджечь чей-то дом — только тот был каменный, и у нее, конечно же, ничего вышло. Лидию Гавриловну арестовали, затем сопроводили в лечебницу, где врачи вынесли неутешительный вердикт: буйное помешательство. По мнению медиков, Лидия Гавриловна представляла опасность для себя и окружающих, и ее надлежало изолировать от общества, посему женщину препроводили в сумасшедший дом. Но там она пробыла недолго, сумев вырваться на волю. Впрочем, добром для нее побег не закончился: Лидия Гав-

риловна попала под телегу, получила серьезные увечья и умерла несколько дней спустя.

Алексей долго не мог поверить в кончину любимой ма-тушки и, только когда его допустили к телу умершей, по-нял, что остался на белом свете один-одинешенек. Лидию Гавриловну погребли около мужа и двух младших детей, а Алексея передали на воспитание двоюродной тетке, той самой, что когда-то на время приютила вдову профессо-ра, а затем выставила вон, заявив, что у нее нет возмож-ности кормить лишние рты.

Глафира Аристарховна Сысковяк, двоюродная сестра покойной Лидии Гавриловны по линии матери, была жен-щиной крупных размеров, обладавшей зычным голосом и густыми усиками. Ее муж, коллежский ассессор, трудился в почтовом ведомстве империи, а Глафира Аристарховна вела домашнее хозяйство и воспитывала четверых детей.

Алексей сразу почувствовал неприязнь, исходившую от тетки, — та, собственно, не скрывала, что троюродный племянник нужен ей как собаке пятая нога. Она прямо зая-вила ему:

— Учти, нахлебник, тебе придется по́том и кровью от-рабатывать те деньги, которые мы на тебя тратим.

Дядька, тихий, чухлый, затюканный женой-тираном субъект, предпочитал ни во что не вмешиваться и всегда покорно выполнял волю своей разлюбезной. Заметив, как тетка Глафира и ее детишки шпыняют его за столом, Алек-сей сразу понял: помощи от него ждать нечего.

Ему отвели крошечную комнатку под самой крышей — там имелось единственное окошко, через которое даже в самый ясный день едва пробивалось солнце, на полу ле-жал трухлявый тюфяк, а в углу располагалась мышиная нора. Впрочем, как Алексей скоро убедился, мыши вполне безобидные животные, и он даже приручил несколько соз-даний — украдкой брал с кухни сыр и потчевал им хвоста-тых обитателей чердака.

Детишки тети Глафиры, подначиваемые матерью, от-носились к Алексею с презрением — старший поколачи-вал его, младшая девочка плевалась и кусалась, а двое других обзывали «кукушкиным сыном» и «отпрыском са-моубийцы и сумасшедшей». Тетка же не уставала раз два-дцать на дню заявлять о том, что мальчик должен благода-рить ее до гробовой доски, раз она взяла его к себе на воспитание.

Собственно, воспитание было лишь на словах, на деле же подростку приходилось делать самую неблагодарную

работу по дому — убирать в комнатах, помогать прислуге, выполнять роль лакея троюродных братьев и сестер. Только кухарка Маша и горничная Нюша жалели мальчика и подсовывали ему куски побольше и послаще.

Но Алексея огорчало не то, что он подвергался издевательствам или был вынужден работать на тетку и ее детишек, — более всего он скучал по школе. Когда-то профессор Спасович уделял повышенное внимание образованию своего отпрыска: мальчик научился читать в возрасте четырех лет, чуть позже увлекся математикой и химией и часы напролет проводил в отцовской лаборатории. Но после смерти Павла Алексеевича все переменялось — в школу Алексей больше не ходил.

Вечерами, отправляясь к себе на чердак, он прихватывал из библиотеки дядьки несколько книг — в основном труды по естествознанию, юриспруденции или классические романы. Скупая тетка никогда бы не разрешила мальчику жечь керосин по ночам или использовать свечи, поэтому перед тем, как приступить к своему ночному бдению, Алексей подкладывал под дверь тряпицу так, чтобы закрыть полосу света. А затем доставал свечку или лучину, заготовленную сердобольной кухаркой или горничной, и погружался в чтение.

Единственными друзьями Алексея были две прирученные им мышки, которых он окрестил Архимедом и Пифагором. Со временем грызуны стали практически ручными, позволяли себя гладить и ждали кусочков сыра или хлеба, которыми их угощал Алексей.

Подросток чувствовал, что атмосфера глупости и примитивизма, царившая в доме тетки Глафиры, угнетает его, поэтому он планировал бегство в Северную Америку. Пользуясь старинным атласом, обнаруженным в библиотеке, будущий юный путешественник рассчитал маршрут от Москвы до Кале, оттуда — до английского Саутгемптона, где он намеревался сесть на пароход до Нью-Йорка. Или имелся иной путь — в немецкий Бремен, откуда тоже уходили корабли за океан. Алексей не сомневался, что там его ждет лучшая доля и он сумеет разбогатеть. Деньги требовались ему с единственной целью — убить врага.

События последних лет не улетучились у него из памяти, и подросток прекрасно знал, кто является причиной его семейной трагедии. Человека, виновного в смерти отца, матушки, Олечки и Гаврюши, звали Афанасий Игнатьевич Беспалов.

В газетах то и дело попадались о нем статьи, да и во-

обще имя Беспалова было известно всей Москве. Он считался самым богатым, самым изворотливым и самым безжалостным коммерсантом, который умудрялся из всего делать деньги. Алексей знал, что Беспалов не так давно переехал из Москвы в Петербург — он намеревался обосноваться в столице, считая, что нечего его таланту прозябать в провинциальной глуши.

Рано или поздно, поклялся Алексей перед иконой Богородицы в Успенском соборе, он отомстит врагу. Беспалов закабалил его отца, профессора Спасовича, украл его идеи и заработал на них миллионы. Затем довел отца до самоубийства и сделал так, чтобы страховая компания не выплатила положенную компенсацию. Беспалов отказал матушке в просьбе помочь с лечением больных детей, силой забрал у нее бумаги отца, что привело к смерти Олечки и Гаврюши, а сама мама, не выдержав тяжелых ударов, следовавших один за другим, помешалась рассудком.

Всего этого не было бы, если бы Беспалов не возник на пути покойного отца. И чем дольше подросток размышлял о произошедшем, тем сильнее становилась его уверенность — Беспалов с самого начала планировал использовать отца в своих низких целях. Ведь именно с продажи взрывчатки, изобретенной профессором Спасовичем, началось восхождение Беспалова к настоящему богатству.

Алексею не были нужны деньги Беспалова, он хотел одного — уничтожить его. Однако что может сделать мальчишка двенадцати лет, растущий без отца и матери? Пока ничего. Но Алексей не сомневался — когда-нибудь он обязательно заставит Беспалова заплатить за содеянное!

Как-то в семействе тетки Глафиры разыгралась нештучная драма: старший сын никак не мог справиться с тригонометрическими уравнениями и заявил, что больше не пойдет в школу, за что был поколочен родительницей. Алексея разобрало любопытство. Проникнув в комнату троюродного брата, он раскрыл тетрадь и едва сдержал смех: задания были до того легкие, что решить их можно было за несколько минут.

— Что ты здесь делаешь, придурок? — услышал Алексей голос хозяина комнаты и, подняв взор, увидел Колюшку, полного пятнадцатилетнего юношу, более походившего на солидного мужчину, — с буйной растительностью на щеках, колышущимся животом, с красными прыщами на лбу.

Братец подошел к Алексею, вырвал у него тетрадь и заорал на весь дом:

— Мамочка, он пытался меня обворовать!

На зов сыночка тотчас появилась тетка Глафира. Узрев нелюбимого племянника, она фыркнула и сказала:

— Ну вот, дождалась! Родной племянник решил обокрасть! И за что мне горе-то такое?

— Я не хотел ничего брать, — начал оправдываться Алексей, — я только захотел взглянуть на уравнения...

— Зачем они тебе, дурачине? — ухмыльнулся троюродный братец. — У нас в классе никто с ними не справился. Червь лютует после того, как мы ему клеим стул обмазали и он к нему задницей прилип. Вот и назадавал такого, что и профессорам не под силу решить.

В школе, где обучался лоботряс Колюшка, Червем звался преподаватель алгебры и геометрии Максим Петрович Червяков.

Колюшка раскрыл тетрадь и обомлел — уравнения были решены!

— Это ты сделал? — спросил он сипло и передал тетрадь матери.

Тетка Глафира, ничего не соображавшая в алгебре, с опаской проговорила:

— Колюшка, наверняка балбес тебе специально неправильный ответ вписал...

— Все там правильно. Червь останется доволен! — заявил Алексей и, оттолкнув Колюшку, вышел из комнаты.

Он оказался прав — у Максима Петровича аж челюсть отвисла, когда один из самых ленивых и тупых учеников, а именно Колюшка Сысковяк, единственным из класса без ошибки решил все двадцать пять уравнений. Но господин Червяков был опытным преподавателем, и он тотчас удивился: если ни один из зубрил и отличников не мог справиться с заданием, то как же такое удалось неучу Колюшке? Справедливо заподозрив, что ученик нанял малоимущего студента для решения сложных задач, Червяков доложил о сем возмутительном факте директору. Тот немедленно вызвал к себе Колюшку, и подросток, давась слезами и хлюпая носом, признался в том, что с уравнениями ему помог троюродный брат.

— стыдно вам, Сысковяк, прибегать к подобным подлым методам! — заявил директор, прохаживаясь по кабинету.

Червяков, наблюдая за происходящим, тонко улыбался, представляя себе, какие последствия данный инци-